

Жанр загадки и интеллект

14 мая 2009

Музей современного искусства РБ
им. Н. Латфуллина

Б. В. Орехов (к.ф.н., ст. преп. каф. зарубежной литературы и страноведения БГПУ им. М. Акмуллы), **С. В. Щербаков** (к.психол.н., доц. каф. общей психологии БашГУ), **Е. А. Слободян** (к.ф.н., ст. преп. каф. русского языка БГПУ им. М. Акмуллы), **Ю. М. Камильянова** (к.ф.н., доц. каф. литературоведения ВЭГУ), **М. С. Рыбина** (асс. каф. зарубежной литературы и страноведения БГПУ им. М. Акмуллы), **С. С. Шаулов** (к.ф.н., ст. преп. каф. русской литературы и фольклора БашГУ), **С. М. Шаулов** (к.ф.н., доц. каф. зарубежной литературы и страноведения БГПУ им. М. Акмуллы), **Р. Р. Вахитов** (к.филос.н., доц. каф. истории философии и науки БашГУ), **А. А. Галлямов** (к.ф.н., доц. каф. русской филологии БашГУ), **А. С. Филонова** (асс. каф. методики преподавания иностранных языков и второго иностранного языка БГПУ им. М. Акмуллы), **М. Ю. Шаулова** (соискатель каф. зарубежной литературы и культуры БашГУ)

С. В. Щербаков: Посмотрите русские народные загадки, которые я предлагал студентам. Инструкция этого задания предполагает, что можно получить несколько баллов за решение одной загадки. Есть один каноничный ответ, но его очень трудно найти, потому что они в языковом смысле архаичны, а есть то, что с моей точки зрения, разумно. Вот если так подходить к решению загадок, то их можно рассматривать как прототип интеллектуального теста. Одновременно с этим студентам предлагались тест, основанный на классической методике Э. Торренса по определению интеллектуальных способностей.

Проблема диагностики интеллекта сходна с проблемой ЕГЭ. Хотя там как будто проверяются знания, но принцип один: надо выбросить самые трудные и самые лёгкие задания. Когда я стал заниматься загадками, я пришёл к выводу, что, помимо канонических ответов, нужно учитывать ответы, которые подходят под задание той или иной загадки. Когда я реализовал эту идею, стало понятно, что можно составить методику, которая математически соответствует классическим методам тестирования интеллекта. Почему-то по женщинам очень хорошо получается: там корреляция выше, чем лучше она решает загадки, тем выше у неё интеллект, и особенно невербальный интеллект. Это интересно на уровне отдельной статьи. Но что за этим лежит? Я начал подводить философскую основу и здесь очень легко можно поругать, говорить о кризисе рационализма, вы и без меня массу книжек читали на эту тему. Это в психологии выражается в том, что происходит ошибка исследователя: некий учёный ставит других на место себя, таким

образом, он изучает не человека и какие-то психические явления, а изучает себя. То есть происходит подмена реальности. Можно прочесть у Гуссерля (страшно сказать! Никогда не думал, что буду читать таких умных людей; и среди немцев, оказывается, бывают неглупые люди) о том, что Декарт нас обманул, повёл не туда. Если говорить о загадках, то это принципиально нечёткая задача. Здесь невозможно найти некий принцип, формально-структурный алгоритм, который бы нам позволил сказать, что правильное, а что — неправильное решение. Такой эмпирический подход присутствует и в современной науке. Существует целый подход в науке об искусственном интеллекте (нейронные сети, самообучающиеся системы), где с помощью компьютера моделируются неясные закономерности. Мы прикидываем и выводим класс правильных решений, а формулы этого решения, фундаментального принципа, который был бы ясен и очевиден, нет. То есть рациональное мышление не работает. Если копнуть дальше, то можно привлечь философию. Здесь напрашивается, что загадка когда-то была некой языковой игрой. В отсутствие давления телевизора, умных книжек, письменной речи, собирались люди и придумывали что-то, «выпендривались», старались отличиться. Некоторые загадки имеют эротический подтекст. Не всегда человек пишет, что думает. Но когда даёшь задание большим массивом, студентов не видно, и всё это вылезает. Я где-то прочитал, что эротические загадки использовались в свадебном обряде. Это подход к мышлению как с позиций некоторой особой языковой игры.

Если идти дальше, то получается, что наши предки, жившие в деревнях, ничего не знали и не читали, были окружены вещами, которые не менялись. Картина мира не менялась. У феноменологов это есть: мир состоит из вещей. И когда мы пытаемся понять, как люди воспринимают этот мир, нужно исходить из того, что мир состоит из вещей. А мы как изучаем интеллект? Через числа, буквочки. Это мир, расплывённый на атомы. Эта идея хорошо развивается у нашего феноменолога Лосева.

Первое. Практический выход: то, что мы можем составить какой-то тест и с его помощью поймать что-то среднее между интеллектом в современном понимании и креативностью в современном понимании, это хорошо, потому что современная психология слишком умственная, слишком рационализированная, рассчитана на интеллигента. В результате, когда приходишь в школу, не знаешь, как диагностировать интеллект ребёнка.

Второе. Чуть более глубокие вещи мы можем найти, если попытаемся составить нечто вроде словарей решений. Раньше филологи составляли ассоциативные словари. Не знаю, модно ли это сейчас. Здесь тоже разные люди, разных профессий, разного уровня способностей предлагают свои варианты решений. Их можно объединить и посмотреть, что за этим стоит.

И последнее. На мой взгляд, эта идея замкнутости мира вещей продуктивна. Получается, что мы можем поймать интеллект человека, описать его разум, без всякой техники, формальных систем, «если — то» и прочих «наворотов», которые пришли с письменной речью, умными книжками и телевидением. Но как это сделать, я пока не знаю. Наверное, во всём этом народном творчестве есть что-то неслучайное, то, что отражает свойства окружающей действительности.

К сожалению, этот стык между когнитивной психологией и неточными наука-

ми не заполнен, хотя это очень перспективно, потому что, на мой взгляд, когнитивная наука начинает задыхаться, пожирать саму себя. И дело не в том, что нет профессионалов. Профессионалы есть везде. Даже в Уфе. Даже в Шакше. Но нет межпредметных связей. Это вообще-то ужасно.

Б. В. Орехов: Спасибо! Прежде всего, хочется сказать, что в целом мне очень нравится то, что Вы говорите про метафору и про роль загадки в традиционном обществе как способа «стихийной диагностики» сообразительности и смекалки». Но вот что меня смущает: вы даёте эти загадки нашим современным студентам. А ведь загадки эти не наши, они из другой культуры. Эти загадки и лежащая в их основе метафорика происходят из традиционной культуры, к которой мы уже не принадлежим, как и современные студенты, даже приезжающие из районов, не говоря уже о городских. Мы, люди постиндустриального общества, живём прежде всего в других реалиях, а загадки рассчитаны на реалии деревенского быта. В связи с этим мне кажется, что успешность решения загадки прежде всего зависит от умения совершать перевод между языками культур: современной городской и традиционной. Чтобы не быть голословным, я хочу привести несколько примеров того, насколько сложнее становится загадка, сочинённая человеком, существующим в мире иных реалий быта. Например, загадки японских островов Мияко, совершенно нерешаемые для человека нашей культуры: «С одной стороны гадит мягким калом, с другой стороны гадит твёрдым калом. Что [это]?»¹ Это «инструмент для очистки ваты». Или другой пример нерешаемой для инкультурного человека загадки: «Ползая ходит и детей родит, что [это]?»² Это «растение сладкого картофеля». А вот пример из фольклора островов Фиджи: «До самого Тонга в воде мокну»³. Это балансир, его вынимают из воды только когда плавание окончено. После этого я задумался, есть ли в современном городском фольклоре жанр загадки, и понял, что по меньшей мере, он занимает какое-то подчинённое место.

С. С. Шаулов: То есть совершенно не такое, как в традиционном фольклоре.

Б. В. Орехов: Да, совершенно не такое. Сергей Витальевич сказал, что во многих загадках решению препятствует архаичный языковой материал, но дело, может быть, не в языке, не в репрезентации метафорики, а в том, что человек, для языка культуры которого загадка, взятая Вами из академического сборника, вполне органичный элемент, живёт в совершенно другом, незнакомом нам мире. И я думаю, что успешность решения загадки будет зависеть от способности к переводу с одного языка культуры на другой. Это гипотеза,

¹ katauta kara: ja:ra fusumar'a katauta kara: puka fusumar'a: nauga (fassama) *Неский, Н. А. Фольклор островов Мияко.* — М.: Наука, 1978. — С. 92, 158.

² paiaiki: ffaa□a: nauga (n:gi: n:gi:) Там же. — С. 93, 158.

³ *Мифы, предания и сказки фиджийцев.* — М.: Наука, 1989. — С. 420.

её можно проверить экспериментально, предложив испытуемым русские народные загадки и загадки более далёких от нас культур, и посмотреть, какова будет степень успешности решения. Впрочем, Вы говорили о том, что в тесте возможен не только канонический вариант решения. И, к слову сказать, в традиционном фольклоре также есть загадки, подразумевающие несколько решений («Вверху зелено, // Внизу красно, // В землю вросло» — и морковь, и свёкла). И ещё один пример, который всегда производит впечатление на студентов, и очень хорошо показывает разрыв между носителями современной постиндустриальной культуры и носителями традиционной культуры. Благодаря детским писателям и художникам главный герой сказки «Колобок» стал положительным персонажем. Можно это понять хотя бы по обложке журнала «Колобок», где это одушевлённое хлебное изделие изображено солнечно улыбающимся, то есть тем, чем оно совершенно не является в сказке. В сказке же, если в неё внимательно вчитаться, этот персонаж отрицательный, на его примере даётся моральный урок о послушании старшим: нельзя уходить от бабушки и дедушки¹. Отрицательная характеристика проявлена и в языковых моментах: колобок «катится», эта метафорика дожила и до наших дней, когда говорят «скатился», «покатился» о негативно оцениваемом поведении члена коллектива. Второй момент, гораздо более любопытный, в том, что современный человек даже не задаётся вопросом, как колобку удаётся избежать осуществления намерений зайца, волка и медведя съесть его. Разгадка там, с одной стороны, проста, с другой, совершенно недоступна для носителя современной культуры без применения аналитического инструментария. Она в том, что колобок использует особую охранительную магию: он поёт песенку о том, как его сделали, тем самым актуализируя силу творения. Вся эта информация отсекается современным человеком, история превращается в поверхностную, лишённую заложенной в неё дидактики и так далее. Так что сказанное Вами, видимо, правильно, но нужно учитывать, что разгадывание загадок в том виде, в котором они даны здесь, демонстрируют способность именно к переводу с одного языка культуры на другой. В этой своей реплике мне главным образом хотелось бы подчеркнуть, что есть определённая омонимия между «русский народный» и «русский современный», потому что культуры эти в сути своей разные². Тот же «древнерусский язык», про который мы считаем, что он «наш», но в каком-то более древнем состоянии, но который мы не можем ни понять адекватно, ни,

¹ См. Цивьян, Т. В. Роковой путь Колобка // Язык культуры: семантика и грамматика. — М., 2004. — С. 310—321; Толстой, Н. И. Секрет Колобка // Живая старина. — 1995. — №3. — С. 41—42.

² С одной стороны, воспринимать русскую народную (традиционную) культуру тождественно всему, что мы называем «русским», стихийно естественно, с другой стороны, можно увидеть в этом отголоски мифа, актуализированного гейдельбергскими романтиками в их поисках немецкого духа в фольклоре и языке (*прим. ред.*).

тем более, продуцировать на нём грамматически и стилистически корректные тексты. Эта поправка мне кажется существенной.

С. В. Щербаков: Ну, я просто не шустрый, а так можно было бы и башкирские загадки изучать в психологическом аспекте. Ведь это такой интересный и выигрышный материал, а им не занимаются. Вот возьмём эту проблему села, о которой вы говорите. Действительно, у деревенского ребёнка, особенно если он не русскоязычный, масса проблем: он воспитан по-другому, он мыслит по-другому. Если сейчас отвлечься от загадок, то расскажу один поразивший меня случай. Я работал психологом в башкирской гимназии, самой главной. Мы проводили тестирование, меня заставил завуч. А один мальчик отказался решать задачки на интеллект, тогда ещё не загадки, тогда я ими не занимался. Он сказал: это оскорбляет моё достоинство. Я подумал: «Что за глупость?», а потом понял, что он прав. Это выравнивает всех в некую линейку. Мы все рвёмся выделиться, а он просто мыслит по-другому. Так что тут масса всего интересного, просто сил не хватает. Так с любой национальной культурой, тут очень много перспектив, правильно вы сказали. А на то, что вы говорите про языки культур, могу ответить словами современного философа Апеля (я уже бодал им когнитивных психологов, но эти ребята не понимают философию), который предложил понятие «трансцендентальная языковая игра». Почему появилась наука? Стало распадаться средневековое общество, разбитое на части и прочее и прочее, была латынь, вместо латыни придумали всякие уравнивания и формулы. Возникает другая проблема: что мы потеряли, когда мы приобрели науку, стали по книжкам учиться, стали мыслить логично? Познание пошло каким-то другим путём. Я сейчас не читаю философов, но где-то одним глазом я эти мысли видел. Ну, это Деррида, может быть, он много говорит про письменную речь, про алфавит, убийцу воображения.

Б. В. Орехов: То, о чём Вы сейчас говорите в связи с алфавитом, похоже на МакЛюэна.

С. В. Щербаков: Ну, МакЛюэн больше поповый мыслитель, а это всё-таки такие серьёзные ребята, толстые книжки написали. Так что у меня в связи с тем, что вы сказали, были идеи. Может быть, сымитировать этот процесс языковой игры. Сейчас воображение детей и подростков формируется в области компьютерных игр. Это тоже очень интересный и совершенно непонятный для меня феномен. Я уже не в том возрасте, чтобы «въехать» в это дело. А куда мы идём? Что такое компьютерная игра? Вот алфавит что дал? Это извечные российские вопросы, их никогда не решат. Но раз вы начали этот бесконечный процесс, пожалуйста, продолжим. Может быть, попробовать предложить студентам, школьникам, детям придумать свои загадки, «псевдозагадки» и посмотреть, что из этого получится. Может быть, новая педагогическая технология. Только нужен хороший контакт со студентами и неслабые студенты, потому что слабые студенты ничего, наверное, не придумают.

Б. В. Орехов: Студенты, насколько я могу судить, не столько слабые, сколько *tabula rasa*.

Е. А. Слободян: Я не знаю, существуют ли современные загадки¹, но есть методические разработки воспитательных мероприятий, вроде «вечер весёлых вопросов».

С. В. Щербаков: Да-да, совершенно верно, это языковая игра.

Е. А. Слободян: На эти вопросы ответить, по-моему, невозможно, а мероприятие совершенно бессмысленное, но в каждом сборнике сценариев воспитательных мероприятий этот «вечер весёлых вопросов» обязательно есть.

Б. В. Орехов: То есть это жанр?

Е. А. Слободян: Видимо, это жанр, да.

С. В. Щербаков: Ну, можно же это всё как-то обыграть. Эротическая проблематика всегда интересна.

Е. А. Слободян: Эротической проблематики в мероприятиях для детей

¹ Существует работа о современных загадках, в которой высказываются мысли сходные с тем, что говорилось на заседании нашего семинара, и квалифицированно дополняющие нашу дискуссию:

«Если в сельской среде в связи с особым контингентом населения, территориальной удаленностью и относительной обособленностью от городской еще сохраняются пережитки прошлого, то городская среда как открытая система коммуникаций — сфера прогрессивных тенденций модификации традиционного фольклора. <...> Если архаическая загадка строится преимущественно по метафорическому принципу организации образов, где важно раскрыть особенности этих образов через логико-семантические связи, то в собственно современной загадке наблюдается явная тенденция к утрате метафоричности. Происходит изменение роли элементов, где на первый план выходит денотативная составляющая значения: загадка становится похожа на обыденный вопрос.

Так, единица ПЛАТОК в контексте: *Что делается с красным шелковым платком, если его опустить на пять минут на дно моря?* (он станет мокрым) — приобретает значение “любой осязаемый предмет”. При наличии общей модификации современного фольклора неоспоримым является тот факт, что в процессе создания фольклорных текстов устойчивыми остаются способы иносказания для передачи информации, которые, видимо, генетически заложены в нашем сознании и являются одним из признаков устно-поэтической речи. В данной загадке ответ намеренно “вуалируется” путем намеренного насыщения текста различными подробностями (*красный, шелковый, пять минут, дно, море*). <...> Современная загадка оперирует явлениями и вещами объективного мира, близкими по сфере их функционирования, то есть представляет собой имплементацию определенной ситуации, где «потеряно» некое звено. <...> современная загадка — это “зеркало” классической загадки, которое, с одной стороны, идентично отражает традиционную ее организацию через изображение современных реалий, с другой — преломляет классический жанр с точностью до наоборот». *Бохонная, М. Е.* Единицы «вещного» мира в среднеобской загадке: традиционное и современное (на материале единиц, называющих предметы одежды) [Электронный документ] [http:// www.ruthenia.ru/folklore/bohonnaya1.htm](http://www.ruthenia.ru/folklore/bohonnaya1.htm)

нет, конечно. Там, в основном, именно языковая игра, конечно, построенная на метафорике. Что касается современных загадок, то, в начале XX века они есть, с отгадкой «трактор».

С. С. Шаулов: Совершенно очевидно, что в современном фольклоре загадки не имеют такого веса, как в системе жанров фольклора традиционного. У меня в этой связи вопрос: это о чём с точки зрения психологии культуры в целом может свидетельствовать?

С. В. Щербаков: Я просто не знаю, что такое современный городской фольклор.

Б. В. Орехов: А это который не в селе. На самом деле, конечно, там довольно сложная проблема, «что это такое». Например, постфольклор, это такая система, где передача текстов осуществляется уже письменно, но сохраняя очень многие механизмы функционирования фольклора устного. Но там тоже не присутствует жанр загадки как значимый, хотя, возможно, маргинальные случаи и встречаются.

С. С. Шаулов: По жанрам там, в основном, малые эпические жанры: анекдот, городская байка, городская легенда.

Б. В. Орехов: Садистские стишки.

С. С. Шаулов: И в целом достаточно бедная система.

Е. А. Слободян: А вопросы «Что? Где? Когда?» как с ней соотносятся?

Б. В. Орехов: А это авторский жанр.

С. С. Шаулов: Кроме того, они построены по другому принципу. Они рассчитаны не на угадывание, а на рациональное решение, пусть и не всегда с очевидных предпосылок, но всегда это будет рациональный путь, тут нет метафорического скачка, который требуется для решения загадки.

А. А. Галлямов: Кстати, это недостаток передачи. Вот если бы они взяли ещё и метафоричность...

Б. В. Орехов: Уточню, что «Что? Где? Когда?» — это не только одна передача, это целое движение, так называемого спортивного ЧГК. Но в целом верно, ведь в загадках традиционного фольклора мы можем обнаружить такие задания, где решение извлекается просто из звукового строя задания, построенного анаграмматически.

Ю. М. Камильянова: Мысль простая и очевидная: традиционный фольклор увязан с природой, и человек традиционной культуры больше зависел от аграрного цикла. Городской человек в такой степени не то что не зависит от него, но мы защищены в гораздо большей степени.

Б. В. Орехов: А почему это влияет на жизнь жанра?

Ю. М. Камильянова: А смысла нет. Нечего разгадывать. Природа для традиционного человека давала столько поводов для загадок! А для современного человека наука даёт ответы.

С. В. Щербаков: Она убивает фантазию человека, воображение.

Ю. М. Камильянова: Вот представьте себе здорового человека, который сядет и начнёт сегодня сочинять загадки. Что это будет за экземпляр?

С. М. Шаулов: Если это не будет какой-то маньяк.

Б. В. Орехов: Но ведь в традиционном сознании тоже есть замена науки, которая тоже даёт ответы — это миф.

С. С. Шаулов: И даёт он ответы, кстати, гораздо более всеобъемлющие и категоричные, нежели наука.

Б. В. Орехов: Да. Поэтому однозначная связь процессов, связанных с загадкой, с тем, о чём Вы сказали, не прощупывается.

С. В. Щербаков: Мне очень нравится ваш вопрос. Я тоже в этом направлении стал бы думать, если бы пошёл дальше, потому что можем ли мы какие-то инварианты (любимое слово!) извлечь? Вот французские ребята очень любят эти слова: *эпистема*, там. Вот если конкретно говорить: что-то убыло, что-то прибыло. Загадка ушла, а что появилось? Появились эти задачки про краны, бассейны и прочее. Это нужно. А что дальше?

С. М. Шаулов: Задача имеет практический смысл какой-то. Загадка, прежде всего, не имеет никакого практического смысла.

Б. В. Орехов: А Сергей Витальевич говорит, что имеет, что это стихийно сложившийся способ узнать уровень интеллекта.

С. В. Щербаков: Да, это так называемый несвязанный интеллект. А ничего другого не было. ВАКа не было.

С. М. Шаулов: Я хочу сказать, что это, в принципе, правильная мысль про язык незнакомой культуры. Дело даже не в том, что трудно перевести с этого языка на свой, а в том, что язык незнакомый. Эта культура, которую мы сейчас обозначили как традиционную, отличается не только своим постоянством, фундаментальностью, неизменностью, здесь ещё нужно учитывать эту здравую и продуктивную мысль насчёт замкнутости её мира, который стоит вот таким, и исчерпаем, он-то всё и обозначает. Поэтому у всякого предмета возможны, скажем так, смысловые реверберации. Есть ещё одна особенность этой культуры: её цельность в том смысле, что в ней совсем иначе выстроена система табу. Когда я читаю задание и задумываюсь, почему я не могу отгадать загадку, и почему всюду, где я могу, кажется, какой-то смысл предположить, этот смысл оказывается эротическим и сексуальным, я понимаю, что это и есть моя единственная связь с человеком той культуры. Эти загадки во мне отзываются.

А. А. Галлямов: Отсюда же неубиваемость мата.

С. М. Шаулов: А вот всё, что относится к другим областям его цельной культуры, от меня просто закрыто. Ну, какие-то загадки полегче: «Без рук, без ног в избу лезет». Если под избой понимать избу, а не что-нибудь другое, то это, скажем, «мороз».

С. В. Щербаков: Но не все студенты, кстати, угадывают. А ведь сейчас

на верхних этажах...

С. С. Шаулов: Для кого-то и слово «изба», может быть, уже непонятно.

С. М. Шаулов: И «изба» тоже уже уходит вслед за всем остальным.

Б. В. Орехов: В связи с этим небольшая ремарка (и в связи с тем, что говорила Юлия Марковна об аграрном цикле). Коллеги делились наблюдениями, что для современных студентов непонятно и нелогично само выражение «растить хлеб», эта языковая метафора ими уже не воспринимается. Хлеб — не растёт, он в магазине продаётся, а вот пшеница ещё может расти, это отдельный процесс. Связь с природой, с аграрной метафорикой в постиндустриальном обществе совершенно теряется.

Ю. М. Камильянова: И поэтому существует программа «Галилео» на СТС, которая рассказывает, как делают разные предметы.

С. С. Шаулов: Само появление такой программы уже показательно. Я хотел бы отметить вот что. Действительно, единственная наша преемственность по этой половой линии проходит, но в таком случае оказывается, что то, что Фрейд утверждал о человеке, имеет не фундаментальное значение, а значение историческое. Фрейд описывал историческую ситуацию, потому что половая сфера была единственным, что в современном ему человеке осталось неизблемым.

С. М. Шаулов: Где-то когда-то я слышал (как бы не Ролан Быков это рассказывал), что для съёмок сцены со скomorохом в «Андрее Рублёве» съёмочной группе нужен был какой-то текст, они залезли в старинные архивы и встали перед проблемой, что оттуда нечего выбрать, потому что там сплошняком идёт мат и телесный низ. То есть всё это просто непроизносимо. Эта культура на этом и замешана, потому очень многие загадки с этим связаны.

Ю. М. Камильянова: Мне кажется, что здесь, скорее, не интеллект, а магия какая-то.

С. М. Шаулов: И магия определённого рода. «Красный бес на девку влез» — это сейчас мы можем сказать «чесотка».

М. С. Рыбина: А я предположила огонь на стволе дерева, на бревне, допустим.

Р. Р. Вахитов: Чекист!

С. М. Шаулов: Бревно — какая же девка? (*всеобщий смех*)

М. С. Рыбина: Берёзовое бревно. Белая берёза — по аналогии.

С. М. Шаулов: А что тогда хата? «Стоит хата — кругом мохната».

М. С. Рыбина: Вот с хатой да. У меня другого решения нет. (*смех*)

Ну хорошо, думала я, вот из принципа найду другое решение: зверь, медведь с открытым ртом. Как вариант.

Е. А. Слободян: Глаз.

М. С. Рыбина: Глаз-то уже не один будет. А вот загадка про качели: «Туда-сюда-обратно, тебе и мне приятно» во взрослой интерпретации.

Б. В. Орехов: Вот это как раз вошло в городской фольклор. Там же оказалась и «длинное, красное в жизни опасное». Но современные трамваи уже менее опасны, чем, скажем, в 30-е годы, те, под один из которых попал Берлиоз. Так что это тоже уже не совсем современный пример.

С. В. Щербаков: «На белой простыне людям удовольствие». Кино.

Р. Р. Вахитов: Получается, что современная городская загадка апеллирует к человеческому низу, который есть определённая область сакрального. Хотя это и смешно.

С. С. Шаулов: Ну почему смешно? В том смысле, что это единственная хотя бы отчасти всё ещё табуированная сфера.

Р. Р. Вахитов: То, что человек не воспринимает как повседневное. И здесь работает не рационально-логическое мышление, которое требуется от логика, от философа.

С. С. Шаулов: Для разгадки нужно обязательно произвести метафорический перенос в когнитивно-функциональной сфере.

С. В. Щербаков: Целый ряд загадок посвящён частям тела. Почему? Там пространство-время, видимо, другое. Части лица намного больший вес имели в то время. Сейчас у всех искусственные зубы и так далее. Это не шутка, за этим должны стоять какие-то серьёзные вещи: как мир организован, феноменальный мир.

Р. Р. Вахитов: Гуревич об этом писал.

Ю. М. Камильянова: Интеллект — это элита всё-таки. Это элитарное знание в то время.

С. В. Щербаков: Я с вами принципиально не согласен. Интеллект — это не элитарное знание — это общая способность человека.

С. М. Шаулов: В традиционной культуре смекалка, скорее.

Б. В. Орехов: Это спор о словах?

С. С. Шаулов: Вы сейчас в терминологическую неувязку попадаете. Что психология-то под интеллектом понимает?

С. В. Щербаков: Я всегда думал: ну, загадки, ну ладно. А зачем они появились? Они же нужны кому-то были, так? Людям надо было показать себя. А как они могли себя показать? Они же не писали рефераты, не ходили в школу, и они делали это там, где идут какие-то языковые игры, если хотели показать себя перед девками.

С. М. Шаулов: Там не было вообще этого — индивидуальности в нашем сегодняшнем понимании. И в истоке всё это связано синкретически с магической практикой.

С. В. Щербаков: Ну, вот чтобы в лавке продать товар. Вот у меня дедушка был приказчиком у купца. Надо было завлечь покупателя, что-то там сказать для этого и так далее.

С. М. Шаулов: Лучше в рифму. «Налетай, торопись, покупай живопись».

С. В. Щербаков: Это был XIX век, но можно взять и XVIII, и XVII, то же самое. Так что я с вами категорически не согласен.

С. М. Шаулов: А рифма — это элемент магии. Проблема древнее дедушки и даже торговли.

С. В. Щербаков: Чтобы понравиться девушке, надо было сказать как-то с вывертами.

Р. Р. Вахитов: В этом ведь и состоит самая большая проблема марксизма, что он пытается, исходя из мотивировок модернистского человека, объяснить поведение человека традиционной эпохи: средневекового, античного. Тут нужно учитывать, что традиционный человек мыслит совершенно иными категориями, к другому стремился. Вот недавно я обнаружил, что, допустим, Соссюр в своих заметках об индоевропейской поэзии пишет, что предназначение этой поэзии было совершенно иное. Там нужно, чтобы через определённое количество слогов повторялся слог, который есть в имени бога. То есть это просто магическое заклинание, а не стихотворение в нашем смысле этого слова.

С. М. Шаулов: А чтобы понравиться девушке, надо не выпендриваться перед ней, и не в рифму говорить. Надо сделать куклу и сделать с этой куклой всё, что ты хочешь сделать с девушкой.

Р. Р. Вахитов: Дело даже не в том, понравишься ты девушке или нет. На ком ты женишься, решает старший. У древних греков отец решает, кто будет женой его сына.

Б. В. Орехов: «Понравиться» в данном случае — в кавычках.

С. М. Шаулов: Да, установить эту магическую связь.

Б. В. Орехов: Её называют «симпатической».

С. В. Щербаков: Был всё равно какой-то люфт, минимальная свобода.

Р. Р. Вахитов: При разложении традиционного общества — да. Уже в историческое время.

С. В. Щербаков: На мой взгляд, мы преувеличиваем магические функции загадки. Достаточно разумный человек может быстро выдать достаточное количество разумных вариантов. То есть некий G (general factor, как говорят психологи) всё равно выявляется. Но это слишком примитивно для такой работы, которую я проделал. Ну, подумаешь, ну, придумали мы ещё один текст на интеллект. Ну и что? Разве ради этого стоит жить, чтобы тест придумать? А вот структура ответа, общая логика, качественная типика этих ответов — она даёт более интересный материал. Некоторые студенты делают акцент на половой стороне, некоторые стараются про это не писать. Потом, восточные традиции. Коан — тоже загадка, только задача там была другая: не показать свой ум, а прийти к просветлению.

Б. В. Орехов: «Порвать шаблон», вроде, это называется сейчас.

М. С. Рыбина: В сказках загадывание загадок всегда соответствует мо-

менту испытания героя или героини.

Р. Р. Вахитов: Это инициатический момент.

М. С. Рыбина: Это наводит на две мысли — о статусе загадки в том обществе, очень высоком, и о том, что это всегда связано с моментом испытания, а его результат может иметь значение для всего коллектива. Так что загадки могли иметь и ритуальную функцию в том числе.

Б. В. Орехов: История об Эдипе ровно ложится в это определение.

Р. Р. Вахитов: Это уже говорилось, это по-своему очевидно, но я всё-таки повторяю. Меня немного напрягает, когда говорят о каком-то разумном человеке, который якобы существовал с самого начала истории и до сих пор существует. На самом деле, человек традиционного общества — это основательно доказано теми же самыми этнографами, историками — это совершенно другой человек, конечно. Для него то, что мы называем разумностью, не представляло такой большой ценности, и жизнь его абсолютно, тотально пронизана магическими практиками.

А. А. Галлямов: Загадки играют только инициализирующую роль.

Р. Р. Вахитов: Неразгадывание связано со смертью. То есть, тебя убьют, если ты не разгадаешь. Это тоже тематика инициации.

Б. В. Орехов: Но ведь это не специфика жанра загадки? Потому что аналогичные функции связаны и с другими жанрами фольклора.

М. С. Рыбина: В загадке это, может быть, ярче всего проявляется и плюс ко всему здесь проявлен момент социализации. Загадки загадываются детям.

Р. Р. Вахитов: Я вот о чём подумал. Наверное, это очевидная мысль, просто раньше в голову не приходило. Если для современного человека загадка представляет собой задачу, которую надо решить, проявив свой интеллект (ты не знал этого, но ты узнал, когда решил), то для традиционного человека загадка предполагает обнаружить некое сакральное знание, то есть человек проявляет не свой ум, а знание. Какой-то хтонический персонаж, например, дракон, загадывает тебе загадку, проверяя, знаешь ты магическое слово или не знаешь. Если не знаешь, то старый космос разрушается, наступает новый.

С. В. Щербаков: Мне кажется, логический ум и воображение в разных долях соотносятся у современного человека и крестьянина.

Р. Р. Вахитов: У Леви-Стросса есть прекрасная работа «Первобытное мышление», где он показывает, что это просто другой тип мышления, оно не примитивней, не хуже, оно просто другое.

С. В. Щербаков: Ну, можно так очень просто на кого-то сослаться. Ну, читал я этого Леви-Стросса. Никакой конкретики нет.

Р. Р. Вахитов: Леви-Стросс, допустим, очень подробно изучал быт индейцев Бразилии.

С. В. Щербаков: Ну вот что значит другой тип мышления в нашем кон-

тексте¹? У меня вот получается, что нормальный человек, который соображает, решает загадки. Самые трудные, которые действительно ушли в сторону, он не может решить. Например, загадка «Четыре уха, два брюха» — подушка. Потом, и в то время надо было выживать, и никакие тут магические заклинания не спасут.

М. С. Рыбина: Это спорный вопрос.

Р. Р. Вахитов: Если индейцы могли умереть, решив умереть от проклятия, допустим.

М. С. Рыбина: А те же самые обряды аграрного цикла. Понятно, что надо вспахать землю, но надо сделать и что-то, чтобы обеспечить себе хорошую погоду, хороший урожай. И это достигалось магическими средствами.

С. В. Щербаков: Может быть. Я как-то скептик в этом смысле. Жрать надо во все времена, как-то крутиться надо. И что этот обряд?

Р. Р. Вахитов: Но он же смыслом неким жизнь человека наполняет.

М. С. Рыбина: Придаёт ощущение стабильности.

Р. Р. Вахитов: Ведь земледелие — это тоже некое сакральное, по сути, ремесло. Земледелец ощущает себя тем, через кого небо оплодотворяет землю.

А. А. Галлямов: Вот Леви-Брюль выступил против того, что это другое мышление.

С. В. Щербаков: Вот это мне нравится!

А. А. Галлямов: Он как раз показывал, что если брать не какие-то области, которые нам уже чужды, а нашу обыденную, повседневную, повсеместную жизнь, то первобытный человек от современного не отличается. Более того, человек, не обладающий каким-то особым образованием, а живущий в современном городе, как показал Люсьен Леви-Брюль, ничем не отличается от дикаря. Он с такими же дикими предрассудками живёт.

¹ О сходных с теми, которые породили несогласие в дискуссии, проблемах пишет М. И. Стеблин-Каменский, говоря о двух возможных подходах к средневековой литературе (т.е. литературе того же традиционного общества): «Первый из них (я назвал его “гипотезой тождества”) предполагает, что психология средневекового человека тождественна психологии современного человека, второй же (я назвал его “гипотезой нетождества”), наоборот, что психология средневекового человека нетождественна психологии современного человека. Разумеется, возможны и промежуточные случаи. Я называю и тот, и другой подходы “гипотезами”, так как они подразумевают лишь реконструкцию того, о чем не может быть никаких прямых свидетельств <...>. Отличия прошлых эпох от настоящего начали осознавать только в эпоху романтизма. Раньше не замечали даже отличий в материальной культуре. Но всего медленнее происходило осознание несходства в психике <...>. Принятие гипотезы нетождества делает необходимым исследование этого отличия <...>, а основным доказательством справедливости реконструкции может быть только объяснительная сила». *Стеблин-Каменский, М. И.* Мир саги. Становление литературы. — Л.: Наука, 1984. — С. 7—8.

Р. Р. Вахитов: А просто Леви-Брюль был позитивист. Элиаде, например, вообще отрицает наличие повседневной жизни у человека традиционного общества.

А. А. Галлямов: Ну что значит «позитивист»? Давай возьмём нашего обычного городского жителя, нашего уфимца. Он будет жить...

М. С. Рыбина: ...и соблюдать магические обряды, даже если он имеет о них смутное представление.

Р. Р. Вахитов: Я приведу очень простой пример. Вот ты идёшь по улице и плюёшь в ту сторону, в которую тебе удобнее.

А. А. Галлямов: Нет, я не плюю вообще.

Р. Р. Вахитов: А если бы ты был мусульманином, ты был бы обязан плевать обязательно через левое плечо, чтобы попасть в беса, который за левым плечом, и при этом сориентироваться, не находится ли там Кааба. Это традиционное сознание, где ты ни одного движения не сможешь сделать без какого-то сакрального обоснования.

А. А. Галлямов: Ты рационализируешь поведение человека. Человек не-рационален в своём поведении. Человек, живущий изо дня в день, он никогда не смотрит, что там на него сверху глядит.

Р. Р. Вахитов: Возможно, мы друг друга не понимаем. Я просто говорю о том, что достаточно авторитетная школа религиоведения, этнологи, этнографии, культурологии утверждает, что человек традиционного общества не имел повседневной жизни, потому что каждое его действие было регламентировано и освящено определённым сакральным авторитетом.

А. А. Галлямов: Не имел повседневной жизни в современном смысле.

С. М. Шаулов: Нет, ну, конечно, две тряпки должны быть сшиты, чтобы их надеть.

С. С. Шаулов: Современная жизнь человека точно так же регламентирована авторитетом, пусть не религиозным, но общественным. Я не вижу принципиальной разницы.

Р. Р. Вахитов: Разница всё же есть, это раз. Во-вторых, она не регламентируется тотально. Только в мелочах.

С. С. Шаулов: Ну, это большой вопрос.

Р. Р. Вахитов: Открой Шариат и почитай — поймёшь, большой или не большой. Если ты суп ешь, то ты должен нечётное количество ложек ко рту поднести, потому что Аллах один, а если будет чётное, то ты многобожник. Вдова над телом мужа вытирает слезу правой рукой с правого глаза, иначе её осудят.

М. С. Рыбина: А действительно все члены этого общества абсолютно точно знают, сколько, когда и так далее? Мне кажется, что тут мы тоже видим момент идеализации.

Р. Р. Вахитов: Да, это идеал. И вы правы совершенно, что постепенно, с

течением времени возникала какая-то индивидуальная свобода, повседневная жизнь и так далее. Но было значимо, что люди считали это ценным, а мы не считаем. Остаточные формы традиционности в нашей жизни — это отдельная большая тема. Они везде присутствуют, начиная с игры в карты.

Б. В. Орехов: «Как встретишь Новый год, так его и проведёшь».

А. А. Галлямов: Здесь прозвучала мысль о кризисе рационализма в психологии. Вторая мысль — о том, что психологи пытаются описывать собственную интуицию. Проблемы эти характерны не только для психологии, но и для лингвистики. В 1934 г. американский лингвист китайского происхождения Чао опубликовал статью о неединственности фонологических решений¹. Лингвисты с жаром принялись его критиковать, а потом дискуссия резко оборвалась, потому что все признали, что Чао прав. Попытка атомарно-дискретного, рационально-логического подхода, предпринятая Трубецким, показала аналогичную ситуацию. Он неслучайно там выделил кроме привативных градуальные, эквивалентные оппозиции, и в итоге оказалось, что то, о чём он говорил в начале книги, к концу всё снижается, снижается и снижается. Трубецкой сам пытается выйти за границы этого строгого рационально-логического подхода. Он исходит при делении не из одного основания, а сразу из нескольких оснований, что уже можно поставить ему в минус.

Б. В. Орехов: Строго говоря, это логическая ошибка.

А. А. Галлямов: Да. Чао заговорил об этом одним из первых, потом эту неединственность фонологических решений признали фактом, и с середины 60-х годов в лингвистике к этой проблеме пытались даже не обращаться, и проблема эта до сих пор не решённая. Сколько частей речи в русском языке? Рационально-логического ответа на этот вопрос нет. Видимо, нужна какая-то новая парадигма, которая может оперировать с нечёткими множествами, не дискретно-точечными, а полевыми структурами. Я в своей работе постоянно сталкивался с этим: берёшь традиционные термины и понятия, накладываешь на конкретный материал — они не работают. В итоге получается, что мы описываем свою собственную интуицию, а кому она нужна, моя интуиция? Здесь же мы видим попытку внешнего наблюдателя. Одну из этих попыток дал Рене Декарт, как ни странно, несмотря на то, что он основоположник рационализма. Именно он предложил эту позицию.

Р. Р. Вахитов: Да, в его философии интуитивистский момент совершенно явный, просто на него мало кто внимания обращает. Критерий истины у него очевидность, например. А это интуитивный подход.

Б. В. Орехов: Об этом говорил несколько раз Сергей Михайлович на наших заседаниях, он приводил снова и снова афоризм: «Наука — это структу-

¹Chao, Yuen-Ren The non-uniqueness of phonemic solutions of phonetic systems // Bulletin of the Institute of History and Phonology. Academia Sinica. — 1934. — Vol. IV. Part 4. — P. 363—397.

рирование неструктурного».

А. А. Галлямов: Вот и возникает вопрос, куда нам двигаться дальше. Одно из решений — использовать полевые структуры. Но что такое «поле»? Или признать за метафорой право выступать в качестве аргумента.

С. В. Щербаков: В психологии, и, кажется, не только в психологии, наблюдается тенденция использовать более нестрогие единицы, более тесно связанные с житейским опытом человека. Вот классический подход — Фрейд, личность у него там поделена на сколько-то там частей, я уж не помню сколько. Вот это механистический подход. Или свойства личности. Есть «большая пятёрка» — человека можно поделить на пять частей. Можно на шестнадцать. Как угодно. Но это всё ментальная химия. Я выскиваю то, что мне близко и потом начинаю уважать других. Вот у современных психологов есть понятие прототипа, используется в работах Уолтера Мишела. Когда мы оцениваем других людей, мы же не проводим какой-то анализ, там, шестнадцать факторов личности, потом факторный анализ и так далее. Такого не бывает. Ясно, что мы до конца не понимаем, что происходит в этот момент, но, видимо, мы сравниваем человека с каким-то прототипом. Например, кто такой «алкоголик»? Когда я слышу это слово, я припоминаю, что у нас в коммуналке был такой дядя Гриша, он приходил вечером в субботу (суббота тогда была рабочим днём) выпимши. Жена не пускала его спать, он ложился в коридоре и мирно там храпел. Всё это было очень идилически. И этот дядя Гриша мне на всю жизнь. И если мы используем термин «прототип», то тут массу всего можно применять. Может быть, в математике идёт движение к такого рода понятиям. Математики уходят от понятия числа к каким-то более сложным и ёмким вещам. Вот не знаю, как у литературоведов всё происходит.

Б. В. Орехов: Если бы они сами знали!

С. В. Щербаков: Литературоведение — предельно нечёткая наука, гибкая. В психологии было слово «деятельность», аморфное, непонятное. Сейчас вместо него применяют другие: «игра», «спонтанная активность», например. Игра — это что-то более живое. Когда говорят «деятельность», то это, вроде как, рабочий молотком стучит. Но это же не так!

Р. Р. Вахитов: Марксистские ассоциации остаются?

С. В. Щербаков: Да.

С. С. Шаулов: А вообще понятие историзма в психологии работает?

С. В. Щербаков: В отечественной психологии это понятие в кризисе, висит в воздухе. А вообще есть такое понятие — модальной личности.

С. С. Шаулов: То есть историческая психология вообще существует.

С. В. Щербаков: Есть, да. Я вообще считаю, что психология — это, прежде всего, историческая наука. Невозможно пока найти какие-то объяснительные системы, которые продуктивно отличали. Психология индивидуального сознания современного человека понимает под психикой поток сознания.

Третье литературоведение

Это тупик, из которого мы, психологи, пока не можем выбраться. Вот можно двумя словами сказать, что такое литературное произведение? Может быть, если идти от таких «нехороших» определений, но если их придерживаться, то какое-то продуктивное обсуждение пойдёт.

